

Стеклов Юрий Михайлович

**Н.Г. Чернышевский, его жизни и
деятельность 1828-1889**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ю70

Ю70 **Юрий Михайлович С.**
Н.Г. Чернышевский, его жизни и деятельность 1828-1889 / Стеклов Юрий Михайлович –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 431 с.

ISBN 978-5-519-75413-2

ISBN 978-5-519-75413-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

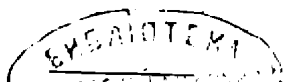
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Н. Г. Чернышевскій, его жизнь и дѣятельность.

„Только для тѣхъ сохранимъ наше удивленіе, которые, оперсжая свою эпоху, имѣли славу предусматривать зорю грядущаго дня, имѣли мужество приотт-ствовать его приходъ. Возвнцать неза-висимый и юрдый юлосъ, когда противъ васъ шумитъ мнѣніе современнаго обще-ства; бороться съ силою, которая окле-вещтъ васъ, на пользу толпы, которая не понимаетъ или не знаетъ васъ; въ са-момъ себѣ находить свое ободреніе, свою силу, свою надежду; съ непреклонной ду-шой, со святою жаждою справедливости идти къ цѣли, не озираясь, идетъ ли за вами толпа, и достигнуть высотъ, толь-ко путь къ которымъ можно указать отставшему своему поколѣнію, и кон-чить жизнь въ юрькомъ одиночествѣ сво-его ума и своего сердца — вотъ что до-стойно вѣчнаго удивленія, и въ честь тѣхъ, которые были способны къ тако-му подвигу, должна вознцать свой ои-міамъ исторія“.

Н. Г. Чернышевскій.—Тюрю, его уче-ная и административная дѣятельность.

Г Л А В А I.

Молодость Чернышевскаго.—Университетъ.—Женитьба.

Николай Гавриловичъ Чернышевскій родился 12 іюля 1828 года въ Саратовѣ. Предки Чернышевскаго съ незапамятныхъ временъ принадлежали къ духовенству. Отецъ его Гавріиль Ивановичъ, протоіерей Сергіевской церкви въ Саратовѣ, былъ человѣкъ замѣчательный въ своемъ кругу. Человѣкъ умный отъ природы и довольно образованный, онъ съ другой стороны отличался своими нравственными качествами, своей добротой и благородствомъ. Вліяніе его на сына было громаднo. Онъ былъ другомъ и наставникомъ своего сына, онъ заложилъ въ его душу стремленіе къ знанію, къ высшимъ запросамъ духа и вмѣстѣ съ тѣмъ старался обставить его развитіе такъ, чтобы оно встрѣчало какъ можно меньше препятствій и уродующихъ вліяній ¹⁾.

Въ скромной патріархальной обстановкѣ провинціального священническаго дома росъ и развивался Николай Гавриловичъ. Съ ранняго дѣтства въ немъ подѣ вліяніемъ отца и двоюродной сестры Любви Николаевны Котляревской развилась настоящая страсть къ чтенію. Умный отецъ не отдалъ своего сына въ бурсу, а рѣшилъ воспитывать его дома; такимъ образомъ молодой Чернышевскій былъ избавленъ

¹⁾ Для біографическиххъ справокъ см. *Е. Ляцкий*—Н. Г. Чернышевскій въ годы ученья и на пути въ университетъ, „Совр. Міръ“, 1908, 5 и 6; *то же*—Н. Г. Чернышевскій въ университетѣ, „Совр. М.“, 1908, 12; *то же*—Юношеская любовь Чернышевскаго, „Познаніе Россіи“, 1909, 1; *Г. Л. Малышенко*—Н. Г. Чернышевскій (біографическій очеркъ), „Русская Мысль“, 1906 г., 4, 5 и 6. А также брошюры *К. М. Федорова*—Н. Г. Чернышевскій, Спб. 1905, и *Н. Денисюка*—Н. Г. Чернышевскій, Москва, 1906. Синосокъ статей о Чернышевскомъ см. въ концѣ X тома полнаго собранія его сочиненій.

отъ развращающей и оупляющей обстановки старой бурсы. Въ 1836 году Чернышевскій былъ зачисленъ въ ученики духовнаго училища, но фактически не посѣщалъ его, продолжая заниматься дома. Въ 16 лѣтъ Чернышевскій, минуя низшіе классы семинаріи, поступилъ прямо въ старшій классъ (1844 г.). Къ этому времени, по свидѣтельству современниковъ, онъ уже обладалъ поразительной начитанностью и умственнымъ развитіемъ. Онъ зналъ языки: латинскій, греческій, еврейскій, французскій, нѣмецкій, польскій и англійскій. Онъ занялся даже изученіемъ персидскаго языка, для чего былъ разысканъ какой-то торговецъ апельсинами, который согласился обучать Николая Гавриловича персидскому языку въ обмѣнъ на уроки русскаго. Бывало, въ классѣ учитель заговорить о чемъ нибудь и спросить, не читалъ ли кто нибудь объ этомъ; всѣ или молчать или отвѣтить, что не читали. „Ну, а вы, Чернышевскій?“—спросить онъ. Въ то время, какъ учитель говорилъ и спрашивалъ, Чернышевскій по обыкновенію читалъ что-нибудь. Во время классныхъ занятій онъ всегда дѣлалъ выписки изъ лексиконовъ. Услыхавши вопросъ учителя, Чернышевскій вставалъ и начиналъ: „Германскій писатель такой-то говорить объ этомъ то-то, французскій — то-то, англійскій — то-то“ и т. д. „Слушаешь, бывало, — прибавляетъ передающій объ этомъ г. Розановъ („Русская Старина“, 1889),—и не можешь понять, откуда человѣкъ набралъ столько свѣдѣній“.

Подъ вліяніемъ Чернышевскаго развивался Александръ Николаевичъ Пыпинъ, его двоюродный братъ, будущій историкъ литературы, семья котораго жила дворъ о дворъ съ Чернышевскими. Будучи на четыре года старше Пыпина, Николай Гавриловичъ былъ его первымъ другомъ и руководителемъ. Пыпинъ рассказываетъ объ этомъ такъ: „Въ началѣ сознательной жизни моимъ ближайшимъ руководителемъ и старшимъ товарищемъ былъ мой двоюродный братъ, не родной, но ближе, чѣмъ родной. Онъ былъ юноша, ревностно искавшій научныхъ знаній и полный идеализма; я былъ мальчикъ. Онъ былъ уже богатъ свѣдѣніями, которыя сохраняла его рѣдкая память; въ поэзіи онъ носился съ Шиллеромъ, Жуковскимъ и Пушкинымъ. Его увлекали не только поэтическія картины, но и возвышенныя человѣческія идеи. Когда онъ былъ въ университетѣ, я былъ въ первыхъ

классахъ гимназій. Въ письмахъ онъ поддерживалъ во мнѣ интересъ къ знаніямъ, особенно рекомендовалъ исторію: съ тѣхъ поръ я узналъ имена Раумера, Шлоссера, хотя въ провинціи не могъ имѣть ихъ въ рукахъ. Часто писалъ онъ мнѣ длинныя письма по латыни; самъ онъ былъ отличный латинистъ и хотѣлъ меня приучить къ латыни; а также онъ казался въ письмахъ такихъ вопросовъ, о которыхъ было менѣе удобно писать по русски. Здѣсь въ первый разъ къ концу 40-хъ годовъ я увидѣлъ возможность крестьянскаго вопроса. Въ письмахъ въ связи съ исторіей говорилось о *glebae adscripti et terrae firmi*“.

Несмотря на то, что Чернышевскій своими знаніями и застѣнчивымъ характеромъ выдѣлялся изъ массы сверстниковъ, товарищи по семинаріи не только не отдалялись отъ него, но напротивъ очень его любили. Онъ старался оказывать имъ всякія услуги и помогать въ работѣ. Въ то время Чернышевскій былъ довольно высокимъ юношей съ нѣжнымъ женственнымъ лицомъ, рыжеватыми волнистыми волосами, тихимъ голосомъ, застѣнчивый, вдумчивый, молчаливый и привѣтливый. Товарищи называли его красной дѣвицей; начальство считало его будущимъ свѣтиломъ церкви, но уже тогда нѣкоторые наблюдатели (напримѣръ Палимпсестовъ, который былъ старше Чернышевскаго на 10 лѣтъ) догадывались, что „въ глубинѣ этой юной души лежитъ нѣчто таинственное, отъ всѣхъ скрываемое, что она недовольна окружающею ее средою и подозрѣваетъ другого рода міровоззрѣнія“. Но тотъ же преподаватель Палимпсестовъ, впоследствии скорбѣвшій о блудномъ сынѣ, объ этомъ „существованіи съ самою чистою душою“, который подъ вліяніемъ западныхъ лжеученій превратился въ „падшаго ангела“, утверждаетъ, что въ свое время Чернышевскій дѣйствительно походилъ на „ангела во плоти“. Наивные, простодушные люди, знавшіе этого мягкаго, простаго, добраго и уступчиваго юношу, впоследствии изумлялись, какъ такой человѣкъ могъ превратиться въ потрясателя основъ.

А пока что, Чернышевскій писалъ семинарскія сочиненія, проникнутыя религіознымъ духомъ, восторгавшія учителей основательнымъ знаніемъ свящ. писанія и заставлявшія ихъ предсказывать, что „авторъ со временемъ будетъ мастеръ хорошій своего дѣла“. Уже въ этихъ юношескихъ упражне-

ніяхъ проглядываютъ зачатки будущихъ возарѣній Чернышевскаго. Въ одномъ сочиненіи будущій великій просвѣтитель указываетъ на важное значеніе распространенія научныхъ знаній: „подумаемъ только,—воскликаетъ онъ восторженно,—ходъ образованія цѣлаго человѣчества зависитъ отъ нашей дѣятельности!“ Въ сочиненіи на тему „Обманываютъ ли насъ чувственные органы?“ Чернышевскій возражалъ Эккартсгаузену, утверждавшему, что мы не въ состояніи установить соотвѣтствія нашихъ представленій о предметахъ съ самими предметами. А въ другой работѣ на тему „Откуда составилось у евреевъ понятіе о Мессіи, какъ царь чувственномъ?“ Чернышевскій старается объяснить это явленіе историческими причинами и въ частности политическимъ положеніемъ іудеевъ во времена римскаго владычества.

Особенно увлекался Чернышевскій занятіями по филологіи: цѣлыя тетради исписывались имъ подѣ словаріи и грамматическія правила; между прочимъ была списана цѣлая татарская грамматика съ множествомъ примѣровъ и цитатъ. Латынью онъ владѣлъ настолько свободно, что могъ писать стихи, о которыхъ его учитель замѣтилъ: „размѣръ вѣренъ, а поэзіи не видно“. И дѣйствительно, въ Чернышевскомъ разсудочность рѣшительно брала верхъ надъ воображеніемъ. И въ годы зрѣлости Чернышевскій неоднократно обращался къ поэтической формѣ, но въ беллетристическихъ его произведеніяхъ учепый и мыслитель брали верхъ надъ поэтомъ.

По мѣрѣ того, какъ юноша созрѣвалъ, онъ самъ и родители его начинали задумываться надъ мыслью о его будущей карьерѣ. Отецъ какъ будто замѣчалъ, что семинарія становится тѣсной для его сына, и началъ склоняться къ мысли о поступленіи юноши въ университетъ. Самъ, Чернышевскій мечталъ объ университетѣ, о дѣятельности ученаго, пролагающаго въ наукѣ новыя пути, о славѣ просвѣтителя родного народа. Это стремленіе къ славѣ органически соединилось въ умѣ молодого Чернышевскаго съ мыслью о служеніи человѣчеству. „Надобно, именно, быть полезнымъ для всего отечества“,—говорилъ юноша. Нѣкоторые представители духовенства были недовольны рѣшеніемъ семьи Чернышевскихъ избрать для Николая Гавриловича свѣтскую карьеру, такъ какъ это лишало церковь буду-

шаго свѣтила. Но послѣ нѣкоторыхъ колебаній со стороны родителей жребій былъ брошенъ, и 18 мая 1846 года молодой Чернышевскій покинулъ отчій домъ и въ сопровожденіи матери двинулся на долгихъ въ Петербургъ, куда и прибылъ 19 іюня. Въ августѣ Чернышевскій блистательно выдержалъ вступительный экзаменъ (только по французскому и греческому онъ получилъ тройку) и былъ принятъ въ университетъ на историко-филологическій факультетъ.

Въ университетѣ Чернышевскій пробылъ 4 года. Это была мрачная пора Николаевской реакціи. Въ исторіи нашихъ университетовъ 40-ые годы являются періодомъ застоя и упадка. Взглядъ правительства на университеты, какъ на разсадники крамолы, подозрительное отношеніе къ наукѣ со стороны министерства народнаго просвѣщенія, которое, по выраженію Герцена, скорѣе напоминало пожарное депо, постоянно тушившее знаніе, вымуштрованная, искусно подобранная профессорская коллегія, исключеніе наиболѣе интересныхъ предметовъ изъ курса университетскаго преподаванія и приспособленіе всей университетской учебы къ пресловутой троицѣ: „православіе, самодержавіе, народность“—таковы были отличительныя черты тогдашняго университета, заставлявшія молодыхъ людей искать настоящаго знанія на сторонѣ. Чернышевскій усердно занимался университетскими науками, въ то же время стараясь пополнить свое образованіе изученіемъ тогдашней европейской литературы. Изъ профессоровъ университета Чернышевскаго болѣе другихъ привлекалъ Никитенко, на литературные вечера котораго молодой студентъ мечталъ попасть. Охотно слушалъ Чернышевскій также лекціи Плетнева по исторіи русской литературы и лекціи Кутормы по всеобщей исторіи. Но наибольшее вліяніе оказалъ на Чернышевскаго Измаиль Срезневскій, профессоръ по кафедрѣ славянской филологіи и археологіи. Подъ его руководствомъ Чернышевскій составилъ словарь къ Ипатьевской лѣтописи, напечатанный въ „Прибавленіяхъ къ Извѣстіямъ 2-го отдѣленія Академіи Наукъ“ 1853 года ¹⁾.

¹⁾ Этотъ опытъ словаря къ Ипатьевской лѣтописи былъ первымъ трудомъ этого рода въ русской литературѣ послѣ словаря къ „Остромирову евангелію“. Перепечатанъ въ Полномъ Собраніи сочиненій (т. X, ч. 2, стр. 21—82).

Срезневскому же Чернышевскій былъ обязанъ знакомствомъ съ Иринархомъ Ивановичемъ Введенскимъ. Землякъ Чернышевскаго, также вышедшій изъ духовнаго званія, Иринархъ Введенскій представлялъ собою типичную фигуру идеалиста 40-хъ годовъ. Горячій поклонникъ Бѣлинскаго и освободительныхъ идей того времени, Введенскій, не допущенный на университетскую кафедру, собралъ вокругъ себя кружокъ молодежи. На литературныхъ вечерахъ у Введенскаго обсуждались социальныя и философскіе вопросы, и эти дружескія бесѣды оказали значительное вліяніе на умственное развитіе Чернышевскаго. Здѣсь въ Петербургѣ инстинктивныя демократическія стремленія Чернышевскаго подъ вліяніемъ знакомства съ передовыми философскими и социальными идеями 40-хъ годовъ постепенно сложились въ прочную систему социалистическихъ убѣжденій.

Вѣроятно, благородный юноша переживалъ въ это время тѣ же чувства, какія испытывалъ Рахметовъ послѣ знакомства съ кружкомъ Кирсанова. Вотъ какъ описываетъ Чернышевскій душевное состояніе Рахметова, передъ умственнымъ взоромъ котораго вдругъ открылись ослѣпительныя историческія перспективы: „16 лѣтъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ обыкновеннымъ, хорошимъ, кончившимъ курсъ гимназистомъ, обыкновеннымъ добрымъ и честнымъ юношею, и провелъ мѣсяца три-четыре по обыкновенному, какъ проводятъ начинающіе студенты. Но сталъ онъ слышать, что есть между студентами особенно умныя головы, которыя думаютъ не такъ, какъ другіе, и узналъ съ пятокъ именъ такихъ людей, — тогда ихъ было еще мало. Они заинтересовали его, онъ сталъ искать знакомства съ кѣмъ нибудь изъ нихъ; ему случилось сойтись съ Корсановымъ, и началось его перерожденіе въ особеннаго человѣка, въ будущаго Никитушку Ломова и ригориста. Жадно слушалъ онъ Кирсанова въ первый вечеръ, плакалъ, прерывалъ его слова восклицаніями проклятій тому, что должно погибнуть, благословеній тому, что должно жить. — „Съ какихъ же книгъ мнѣ начать читать?“ — Кирсановъ указалъ. Онъ на другой же день уже съ 8 часовъ утра ходилъ по Невскому, отъ Адмиралтейской до Полицейскаго моста, выжидая, какой нѣмецкій

или французскій ¹⁾ книжный магазинъ первый откроется, взявъ, что нужно, и читалъ больше трехъ сутокъ сряду, — съ 11 часовъ утра четверга до 9 часовъ вечера воскресенья, 82 часа; первыя двѣ ночи не спалъ такъ, на третью выпилъ восемь стакановъ крѣпчайшаго кофе, до четвертой ночи не хватило силы ни съ какимъ кофе, онъ повалился и проспалъ на полу часовъ 15. Черезъ недѣлю онъ пришелъ къ Кирсанову, потребовалъ указаній на новыя книги, объясненій; подружился съ нимъ, потомъ черезъ него подружился съ Лопуховымъ. Черезъ полгода, хотя ему было только 17 лѣтъ, а имъ уже по 21 году, они ужъ не считали его молодымъ человѣкомъ сравнительно съ собою, и ужъ онъ былъ особеннымъ человѣкомъ ²⁾.

Университетскія занятія естественно не могли поглотить всѣхъ силъ Чернышевскаго и удовлетворить его пытливый умъ. Молодой студентъ засѣлъ за книги. По прибытіи въ Петербургъ онъ первымъ долгомъ бросился просматривать каталоги въ библіотекахъ и былъ непріятно пораженъ отсутствіемъ серьезныхъ книгъ; такъ, напр., онъ не нашелъ въ каталогѣ ни Герена, ни Шеллинга, ни Гегеля, ни Нибура, ни Раумера. Этотъ списокъ кстати показываетъ, чѣмъ интересовался тогда молодой Чернышевскій. Основавшись въ Петербургѣ, онъ получилъ возможность ознакомиться съ твореніями выдающихся мыслителей того времени. Съ одной стороны, онъ изучилъ философію Гегеля, а также ознакомился съ сочиненіями Людвига Фейербаха. Послѣдній оказалъ на Чернышевскаго большое вліяніе ³⁾.

Въ 40-хъ годахъ большинство русской интеллигенціи

¹⁾ Это указаніе на пѣмецкій и французскій магазины чрезвычайно характерно. Ясно, что Кирсановъ посоветовалъ Рахметову начать съ чтенія Фейербаха и, вѣроятно, Фурье. Сочиненія именно этихъ мыслителей оказали рѣшающее вліяніе на Чернышевскаго.

²⁾ Т. е. революціонеромъ: слово „особенный человѣкъ“ придумано Чернышевскимъ для цензуры; этимъ словомъ въ романѣ „Что дѣлать?“ обозначаются активные революціонеры. См. „Что дѣлать?“. Соч., IX, стр. 185—186.

³⁾ О знакомствѣ съ сочиненіями Фейербаха Чернышевскій самъ разсказалъ въ предисловіи къ третьему изданію „Эстетическихъ отношеній“, которое предполагалось въ 1888 г. Предисловіе это не было пропущено цензурой и третье изданіе рѣшено было поэтому не печатать. См. Собраніе соч. Чернышевскаго, т. X, ч. 2, стр. 190 и сл.

живо интересовалось нѣмецкой философiей, т. е. гегельянствомъ, примыкая къ его лѣвой сторонѣ. Естественно, что Чернышевскiй примкнулъ къ лѣвымъ гегельянкамъ и въ частности сдѣлался послѣдователемъ Фейербаха, сочиненiя котораго онъ прочитывалъ по многу разъ. Фейербахъ помогъ Чернышевскому окончательно порвать съ традиционнымъ идеализмомъ и стать на почву материализма.

Подъ влiянiемъ того же Фейербаха въ значительной мѣрѣ сложился взглядъ Чернышевскаго на событiя 1848—49 годовъ. Какъ извѣстно, въ политикѣ лѣвые гегельянцы были радикалами, а многiе изъ нихъ принимали даже активное участiе въ революцiонныхъ потрясенiяхъ 48-го года. Фейербахъ не принималъ никакого участiя ни въ агитацiи до-революцiонной эпохи, ни въ дѣятельности нѣмецкаго національнаго собранiя. Онъ съ самаго начала считалъ движенiе обреченнымъ на неудачу. Программа партiи реформъ была по его мнѣнiю непослѣдовательна, а силы ея недостаточны для преобразованiя Германiи. Взглядъ его на событiя революцiоннаго времени проникнутъ былъ глубокимъ пессимизмомъ; этимъ пессимизмомъ онъ заразилъ и своего юнаго послѣдователя.

Какъ это явствуешь изъ романа „Прологъ пролога“ и нѣкоторыхъ другихъ сочиненiй Чернышевскаго, Николай Гавриловичъ смотрѣлъ на дѣла 1848—49 годовъ приблизительно глазами Фейербаха. Его несчастье заключалось въ томъ, что изъ лѣвыхъ гегельянцевъ онъ знакомъ былъ съ кружкомъ Бруно Бауера, но повидимому совершенно не зналъ о группѣ Маркса, которая не остановилась на взглядахъ Фейербаха, а довела до конца критику идеализма, въ частности въ социологической области, чего Фейербахъ не сдѣлалъ. Такъ что съ тѣмъ плодотворнымъ идейнымъ движенiемъ, изъ котораго вышла система научнаго социализма, Чернышевскiй ни въ моментъ выработки своего мiросозерцанiя, ни въ послѣдующее время знакомъ не былъ. Это видно между прочимъ изъ того, что Бруно Бауера онъ считаетъ виднѣйшимъ изъ лѣвыхъ гегельянцевъ кромѣ Штрауса, а также изъ того, что подобно Фейербаху онъ ожидалъ разъясненiя спорныхъ вопросовъ философiи того времени не отъ социологовъ, но отъ натуралистовъ, и вмѣстѣ съ Фейербахомъ полагалъ, что центръ изслѣдованiй о широкихъ

вопросахъ науки долженъ быть перенесенъ изъ области специальныхъ изслѣдованій о теоретическихъ убѣжденіяхъ народныхъ массъ въ область естествознанія ¹⁾).

Наряду съ изученіемъ нѣмецкой философіи въ лицѣ ея послѣдняго слова, т. е. фейербаховскаго матеріализма, Чернышевскій знакомился съ критикой и публицистикой 40-хъ годовъ, т. е. главнымъ образомъ съ сочиненіями Бѣлинскаго, а также съ передовой французской литературой. Уже сколько разъ цитировались въ нашей литературѣ слѣдующія слова Щедрина: „Съ представленіемъ о Франціи и Парижѣ для меня неразрывно связывается воспоминаніе о моемъ юношествѣ, т. е. о 40-хъ годахъ. Да и не только для меня лично, но и для всѣхъ насъ, сверстниковъ, въ этихъ двухъ словахъ заключается нѣчто лучезарное, свѣтоносное, что согрѣвало нашу жизнь, въ извѣстномъ смыслѣ даже опредѣляло ея содержаніе. Я въ то время только-что оставилъ школьную скамью и инстинктивно прилѣпился къ Франціи. Разумѣется, не къ Франціи Луи-Филиппа и Гизо, а къ Франціи Сень-Симона, Фурье, Луи Блана и въ особенности Жоржъ-Занда. Оттуда лилась на насъ вѣра въ человѣчество, оттуда возсіяла намъ увѣренность, что золотой вѣкъ находится не позади, а впереди насъ... Словомъ сказать, все доброе, все желанное, любвеобильное шло оттуда“.

И вотъ Чернышевскій знакомится съ сочиненіями французскихъ утопистовъ и дѣлается горячимъ сторонникомъ проповѣдуемой ими реорганизаціи общества на началахъ разума и справедливости. Не забудемъ, что это было время, когда складывался кружокъ Петрашевцевъ, что въ разсматриваемые годы передовые кружки русской молодежи горячо увлекались коммунистическими мечтами и зачитывались твореніями Сень-Симона, Фурье, Каба, Оуэна и Пьера Леру (котораго въ кружкѣ Герцена называли „Петромъ Рыжимъ“). Чѣмъ мрачнѣе была ночь безпросвѣтной реакціи, нависшая въ то время надъ Россіей, тѣмъ съ большимъ увлеченіемъ и энтузіазмомъ воспринимала пылкая юность проповѣдь корепного преобразованія ненавистныхъ общественныхъ отношеній.

Не слѣдуетъ впрочемъ думать, что Чернышевскій безъ

¹⁾ Loc. cit., стр. 195.